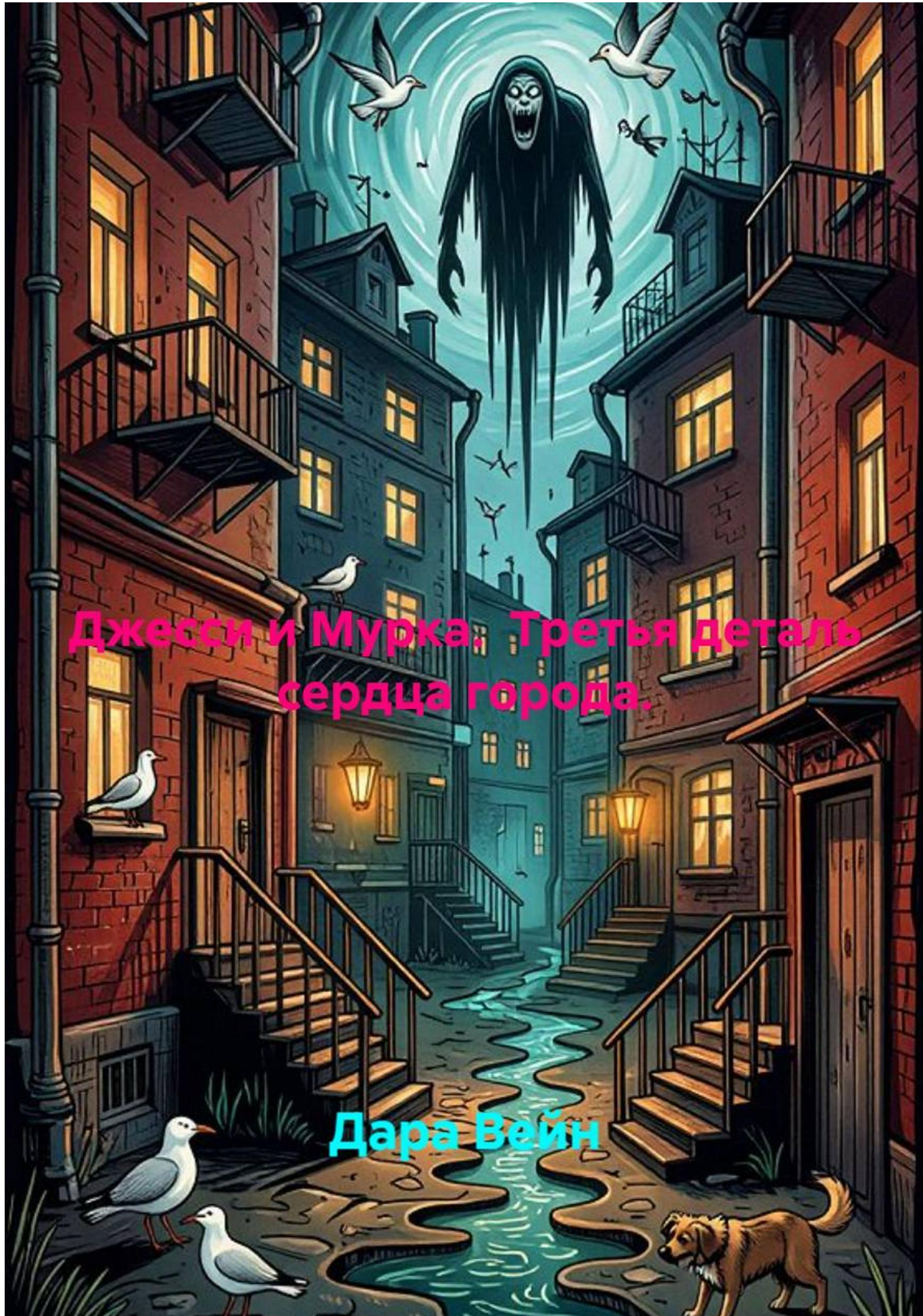

Джесси и Мурка. Третья деталь
сердца города.

Дара Вейн

Дара Вейн

**Джесси и Мурка. Третья
деталь сердца города.**

«Автор»

2026

Вейн Д.

Джесси и Мурка. Третья деталь сердца города. / Д. Вейн —
«Автор», 2026

Из двора на Красном проспекте исчезли звуки: пёс не лает, чайки молчат, а мурчание Мурки теперь идёт с дырками ровно в двенадцать секунд. Виновник — Господин Штиль из ила Обского моря: он не крадёт голоса, он забирает паузу между ударами сердца города. Чтобы победить тишину, не нужно кричать. Нужно досчитать до конца.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Ноль по шкале Штиля	6
Глава первая. Двор, в котором пропали звуки	7
Глава вторая. Речной вокзал и ноль герц	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дара Вейн

Джесси и Мурка. Третья деталь сердца города.

ДЖЕССИ И МУРКА

Третья деталь сердца города

Повесть о том, как город встал на паузу

Книга третья

Пролог. Ноль по шкале Штиля

В четыре часа сорок две минуты ноябрьской ночи город сбился с шага.

Никто этого не заметил. Трамвай ждал водителя на конечной. Метро гудело в тоннеле ровно, как гудит. На Красном проспекте в одном окне горел свет: там йоркширский терьер Джесси лежала на спинке дивана, закинув передние лапы на подлокотник, и спала так, будто ей снился очень достойный сон про поднос с сосисками.

А потом через город прошла тишина — как сквозняк через подъезд.

Она не наступила, она вкралась. Сначала в водосброс Новосибирской ГЭС, где вода с осени ходит вразнобой и никогда не спрашивает разрешения. Потом по бетону плотины, по двухметровым шашкам-гасителям в нижнем бьефе, по льдинкам, которые Обь только-только начала собирать. Потом по кабелям, по трансформаторам, по проводам под снегом — и вышла в город.

В машинном зале ГЭС, у гидроагрегата номер четыре, в котором с середины прошлого века жила одна очень старая и очень упрямая вещица, что-то мягко чихнуло. Вещицы не стало.

Гидроагрегат не встал. Он крутился и выдавал ток, как и положено. Просто из него ушёл Первый Толчок — тот самый, с которого когда-то всё закрутилось.

Джесси проснулась в шесть и не услышала двора.

Соседский пёс Барс молчал, хотя каждое утро он объяснял миру, что думает о курьерах. Бак не хлопал. Метро под площадью не гудело. Это было не «тихо ночью» и не «тихо в больнице». Это было тихо иначе: как будто кто-то выкрутил город на минимум.

Котёнок Мурка спала на подоконнике и во сне мурчала. Но мурчание у неё теперь тоже было не целое: через каждые двенадцать секунд в нём образовывалась маленькая дырка. Мурка этого не чувствовала. А вот Джесси — чувствовала, хотя никак не могла понять, что именно не так.

За окном, на пожарной лестнице старого дома, сидел кто-то очень вежливый и очень сухой. Он слушал, как Джесси считает глазами секунды до следующей дырки, и записывал когтем на льдинке:

«Ноль целых, ноль целых. Пока хорошо».

Глава первая. Двор, в котором пропали звуки

— Мурка, — сказала Джесси. — Ты мурчишь?

Мурка приоткрыла один глаз.

— Само собой.

— А мне кажется, ты мурчишь через паузу.

— Это у меня стиль такой, — сказала Мурка. — Раньше мурчали ровно. Теперь модно с характером.

Джесси прыгнула с дивана, проехала когтями по ламинату, добежала до окна и остановилась. Ухо у неё дёрнулось. Потом второе.

— Во дворе нечего слушать.

— Ну почему. Слышно, как открывается подъезд.

— Вот именно, — сказала Джесси. — Слышно только железо. Железо — это не двор. Двор — это когда Барс орёт на собственный хвост, а бабка Люся ругается на голубей, и Прыг с Скоком гоняют по проводам какую-то свою новость. Двор — это шум. А тут...

Она подняла морду.

— ...тут кто-то выключил не громкость, а желание.

В семь утра в стекло поскреблись. Джесси узнала этот звук: скрестили когтем по стеклу, а сверху тихонько звенела жёсть.

На пожарной лестнице сидела Дара Вейн. На голове у неё по-прежнему стояло зелёное ведро — парадное, пустое, с выщербленным краем. Единственная в городе посуда, в которой умело держаться обещание.

— Открывай, — сказала Дара Вейн. — У меня плохие новости, и они идут на цыпочках.

— Ты опять в ведре? — спросила Мурка, открывая форточку лапой.

— Я в шлеме, — сказала Дара Вейн и влезла в кухню. — Пшш-хх... Пшш-хх... В ведре сидят. А в шлеме — ходят.

Она стряхнула с плеча снег и посмотрела на них обоих так, как смотрят капитаны, которым не хочется врать.

— Двенадцать секунд, да? — спросила она.

— Откуда ты...

— У меня тоже. Слышишь?

Джесси и Мурка прислушались. Дыхание Дары Вейн, всегдашнее, паровозное, сбивалось: пшш-хх... (пауза)... пшш-хх...

— Меня зовут Дара Вейн, — сказала она ровно, — я дышала как паровоз сорок лет, и ни разу паровоз не останавливался на полуслове.

— Что происходит? — спросила Джесси.

— Произошло, — сказала Дара Вейн. — Тёмная сторона двора за ночь выросла. Она теперь не в одном дворе, она по всему левому берегу. И там новое правило, седьмое. Я узнала у крыс, которые ходят в порт на стачку.

— Какие правила? — насторожилась Мурка. — Почему я про седьмое не знаю?

— Потому что ты котёнок и спишь на подоконнике. Слушай. Седьмое правило тёмной стороны: «если стало тихо — не молчи первым». Кто первый нарушит тишину, у того забирают голос.

— И как же тогда разговаривать? — спросила Джесси.

— Вот-вот, — сказала Дара Вейн. — Это и есть шутка.

Джесси посмотрела в окно. На линии электропередачи, которая идёт от площади к реке, сидели чайки. Их было человек... то есть их было много, а кричать они не кричали. Ни одной.

— Это что за стая такая? — спросила она. — Чайки должны орать. Это их единственная профессия.

— Это штилёвки, — сказала Дара Вейн. — У них внутри пусто. Они летают и слушают, где у кого звук.

— Чей это «штиль»? — спросила Мурка.

Дара Вейн посмотрела на неё долго.

— Того, кто живёт в иле Обского моря и считает, что между двумя ударами сердца должна быть не передышка, а вечность.

На подоконнике что-то тихо звякнуло. Это был будильник на шнурке — маленький, советский, с трещиной на стекле. Кто его принёс, никто не видел.

Джесси обнюхала.

— Пахнет машинным залом, — сказала она. — И мазутом, и очень старым чаем.

— Это адрес, — сказала Дара Вейн. — Кто-то с ГЭС зовёт нас в гости. Пшш-хх...— Она тяжело выдохнула. — А раз зовёт тот, у кого есть будильник, значит, у кого-то кончилось время.

Глава вторая. Речной вокзал и ноль герц

Левый берег начинался с метро. Спускаться вниз Джесси любила, потому что вниз она умела. Плохо было другое: в этот раз эскалатор стоял.

— Он просто отдыхает, — быстро сказала Мурка.

— Он стоит, — сказала Джесси. — Видишь, у него даже ступеньки замёрзли.

— Джесси, — сказала Дара Вейн из-под ведра, — тебе сколько лет?

— Три с половиной.

— И ты до сих пор делаешь вид, что вибрируешь от нетерпения?

— Я всегда вибрирую от нетерпения, — сказала Джесси и первой шагнула в пустой лестничный пролёт. — Идёмте. Пешком честнее.

На «Речном вокзале» былолюдно и страшно тихо, как в библиотеке, куда пришли все сразу. Люди стояли табло, табло показывало время, и никто не ругался. Так не бывает.

На перилах сидел голубь в очках и с мокрой от снега папкой.

— Клык! — обрадовалась Мурка. — Ты живой!

— Я не только живой, я при должности, — сказал голубь и поправил очки крылом.

— Ты чего заикаешься? — спросила Джесси.

— Я не заикаюсь, я подбираю слова. Они теперь дорогие. — Клык открыл папку. — Я вам справку нёс. «О том, что тишина введёна в порядке эксперимента и жалобы принимаются в порядке очереди». Подпись — «Господин Штиль». Приложением идёт «Штиль».

— А если я подам жалобу? — спросила Джесси.

— Тогда ты первая нарушишь седьмое правило и лишишься голоса, — сказал Клык. — Я бы не советовал. У меня уже отобрали «кар-р-р», я теперь говорю через фразу. Держите. Мне осталось часов до трёх.

Из-под козырька вокзала вышла стая чаек. Белые, чистые, ровные, как фарфор. Они сели полукругом, и в этом полукруге было место для Джесси.

— Это приглашение, — проговорил Клык. — Они зовут тебя в середину.

— А если я не хочу в середину?

— Тогда они пойдут туда, где ты не хочешь, — сказал Клык. — Они очень вежливые, они никогда не настаивают. Они ждут.

Джесси посмотрела на чайки, которые не кричали, и впервые за три года ей захотелось залаять не от злости и не для дела, а просто чтобы напомнить себе, что она есть.

Она посмотрела на Дару Вейн.

— Седьмое правило, — напомнила та. — Не молчи первым. Но и не ори первым: тот, кто орёт, выдаёт, где у него больно.

— А что делать?

— Считать, — сказала Дара Вейн. — Кто считает, тот ещё в ритме. Пшш-хх... Считай вслух, только тихо. И никогда не считай до двенадцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.